

УДК 342.5:316[(470)+(571)](091)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.111>

Государственная власть, оппозиция и социальные движения в России имперского периода в освещении журналом «Сибирские огни» 1920-х гг.

В. Н. Казарин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассмотрены вопросы освещения в общественно-политическом журнале «Сибирские огни» взаимоотношений «власть – оппозиция – социальные движения» в России имперского периода. При анализе публикаций журнала выделены такие аспекты проблемы, как: оценка государственной власти, правительственного аппарата, правящей элиты, их действий против оппозиции; общая характеристика причин появления оппозиционных движений, их социальная база; оценка отдельных представителей и движений в целом; территориальные рамки распространения; влияние на умонастроения населения; причины поражений оппозиции. Показано, что журнал уделял значительное внимание исторической проблематике, в том числе исследуемому вопросу. Власть в нем представлена через деятельность должностных лиц, местного аппарата управления, правоохранительных органов и силовых структур в основном критически, но без категорических отрицательных оценок. Оппозиция власти освещена дифференцированно, в зависимости от социального положения участников и их роли в сопротивлении власти. Изучена роль и место социальных движений в России имперского периода по публикациям журнала. Доказано, что многие исторические сюжеты, затронутые авторами публикаций, актуальны и в современной историографии. Автором сделан вывод о том, что многие оценки изученной проблематики этого периода существенно отличаются от некоторых оценочных подходов советской и либеральной историографии. Обосновано положение, что непредвзятый анализ исторической проблематики сибирской журнальной периодики 1920-х гг. будет способствовать предметному изучению основных направлений и тенденций современного развития отечественной и зарубежной исторической науки.

Ключевые слова: государственная власть, Россия, империя, оппозиция, социальные движения, журнал «Сибирские огни», историческая наука.

Для цитирования: Казарин В. Н. Государственная власть, оппозиция и социальные движения в России имперского периода в освещении журналом «Сибирские огни» 1920-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 38. С. 111–129. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.111>

Проблема изучения массовых социальных движений в современной отечественной исторической науке, в отличие от советской историографии, не занимает доминирующего положения. Внимание исследователей стали привлекать такие, например, темы, как изучение повседневности, ментальности, диаспор, благотворительности, роль женщин в обществе и др., которым не уделялось совсем или уделялось мало места в предыдущей традиции. Вероятно, это вполне объяснимо: исторический процесс и его изучение напоминает своеобразный маятник. Но проблемы «власть и оппозиция», «власть и несистемные социальные движения» ярко характеризуют события последних лет: «цветные революции», острые социально-политические конфликты на территориях бывших советских республик, в США, Афганистане и других государствах свидетельствуют о том, что изучение их причин, явных и неявных, особенностей проявления и их влияния на общество становится востребованным, но уже на новом уровне осмысления.

Поскольку ключевым понятием настоящей публикации будет являться «власть», целесообразно структурировать ее понимание. В самом широком значении слова власть – это возможность оказать воздействие на что-то и на кого-то [1, с. 60]. «Большой академический словарь русского языка» приводит объяснение власти в нескольких смыслах: право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л.; могущественное влияние чего-л., неодолимая, притягательная сила чего-л.; форма управления страной; право и возможность управления государством; органы государственного и местного управления [5, с. 621]. В контексте заявленной темы необходимо выделить понимание государственной власти. Обобщенно можно сказать, что это «средство осуществления политического господства; способ организационного, регулирующего и контрольно-надзорного обеспечения политической жизни, общественной и индивидуальной деятельности людей, личной жизни человека». В числе характерных признаков государственной власти следует отметить суверенность, независимость, интегративность, функциональность, наличие механизмов принудительного исполнения властно-государственных решений [28, с. 61]. По мнению В. Г. Ледяева, государство как субъект власти представляет собой обособленную от общества организацию, обладающую правом на управление обществом, а также соответствующими ресурсами. Субъектами государственной власти являются также государственные органы (правительство, парламент, суды, силовые структуры, региональные и местные органы власти и представляющие их государственные служащие, наделенные легальными полномочиями) [19, с. 457]. А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов справедливо подчеркивают, что «власть является социально необходимым условием управления, сопровождается направленной передачей информации и реализуется в поведении. Власть – один из наиболее встречающихся объектов конфликта – от межличностного до межгосударственного» [3, с. 50]. Итак, наличие власти объективно предполагает наличие конфликта, который определяется специалистами как «наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия, а

также борьбы подструктур личности» [Там же, с. 158]. Конфликт может быть с оппозицией, стремящейся противодействовать, сопротивляться чьим-либо действиям, политике, противопоставляя им свои взгляды [26, с. 422]. Наиболее острые противоречия власти и части общества развиваются в форме социальных движений, предполагающих коллективные действия, характеризующиеся «согласованными усилиями отдельных индивидов и/или групп, общими идеями и представлениями его участников, а также общей задачей реализовать собственные интересы и добиться определенных изменений (или воспрепятствовать им) в той или иной сфере общественной жизни» [16, с. 370].

В данной статье, исходя из приведенных выше определений, речь будет идти исключительно о государственной власти, ее институтах и представителях. Оппозиция представлена на уровне структурированных групп, организаций, партий, отдельных лиц, выступавших против как структур имперской власти, так и ее конкретных носителей, в наиболее критические для власти времена появившихся в форме социальных, относительно организованных/неорганизованных движений.

Несмотря на различные социальные движения и формы проявления недовольства имперской властью, последняя устояла весь изучаемый период вплоть до падения в феврале-марте 1917 г. Власти (в широком смысле) удавалось подавлять социальное недовольство отдельных слоев населения, репрессировать активных участников антигосударственных движений и течений. Но количество оппозиционеров различных политических оттенков развивалось с подъемами и снижениями в разные периоды, и наконец весной 1917 г. либеральная оппозиция и армейские верхи сломали власть (вопрос, какими методами и с помощью каких сил, требует, безусловно, отдельного рассмотрения, не входящего в задачу настоящей статьи), но на относительно короткий срок, а осенью того же года к власти пришли левые силы (в том понимании) и, выиграв в итоге Гражданскую войну и освободив значительную часть страны от интервентов, вышли победителями.

Вопросы изучения власти в имперский период развития Российского государства имеют обширную историографию. Один из аспектов, разрабатываемых в последние годы, – соотношение реформ, контрреформ и революций в российской истории XVIII – начала XX в. и далее до наших дней. Очевидно, что при такой постановке проблемы вопрос о сцепке «власть – оппозиция – социальные движения», на наш взгляд, обойти – значит игнорировать упрямые факты. Представляется, что для лучшего понимания заявленной в названии статьи темы целесообразно очень кратко обрисовать современное состояние акцентирования вопросов в современной историографии. В этой связи привлекает внимание современная дискуссия о модернизации России именно в имперский период на страницах ведущих научных журналов. С. В. Мироненко полагает, что решающую роль в реформировании страны в XIX в. «играла либеральная бюрократия» [22, с. 18]. А. И. Миллер, рассматривая эту же проблему, высказался о том, что такую точку зрения он бы «скорректировал», поскольку это отрицает роль масс в истории, «за исключением коротких моментов революционных взрывов». А в целом же, по его мнению, необходимо

отказаться от представления истории России XIX – начала XX в. как о повторяющемся цикле реформ и контрреформ, реформаторского натиска либералов и следовавшего за этим отката [21, с. 20]. Эта точка зрения была поддержана В. В. Зверевым, указавшим, что либеральная российская бюрократия не сыграла в России ту роль «локомотива истории», которую сыграла буржуазия в странах Западной Европы. По сути, полагает автор, революции и реформы – «способы преобразовательного процесса» [10, с. 29]. В контексте этого следует отметить, что гораздо ранее такую точку зрения высказывал видный исследователь С. В. Тютюкин [14]. Авторитетные современные историки В. В. Шелохаев и К. А. Соловьев считают, что прежние представления о том, что над Россией начала XX в. рисовалась «мрачная туча», предвещавшая ей неминуемую грозу, т. е. поздняя империя обреченно шла к своей гибели, выглядит сомнительной. Россия начала XX в. находилась на развилке своего развития, а поэтому необходимо изучать альтернативные модели выхода из него, а для этого, в частности, нужно определить кризисы и их типологию [27, с. 156]. С последними из приведенных точек зрения нельзя не согласиться; очевидно, это и указывает направление дальнейших исследований.

Проблемам государственной власти и ее институтам в Сибири посвящено немало новейших публикаций. Назовем некоторые из них, отвечающие теме статьи. Это коллективная монография «Иркутский край. Четыре века» [12], основательное исследование А. В. Ремнева [23], монографии Л. М. Дамешка, И. Л. Дамешек, Б. Ц. Жалсановой, Л. В. Курас, Н. П. Матхановой [7; 8]. Историко-правовые вопросы имперской проблематики, в том числе и в Сибири, рассмотрены и в учебном пособии для высшей школы, в котором значительный компонент имеет исследовательская составляющая [4]. Имперское пространство власти на Северо-Востоке Сибири [6], местное управление в этот период [17; 25], деятельность генерал-губернаторов [20] нашли отражение в новейших статьях. Гораздо, гораздо меньше стало публикаций об оппозиционных власти движениях [9; 11], возможно, потому, что эта тема нуждается в поиске новых подходов и осмыслении. Различные аспекты развития Сибири, в том числе и социальные, нашли отражение в обзорных статьях современных сибирских и петербургских авторов, в которых дан анализ англо- и германоязычной [2], а также даже новейшей китайской историографии Сибири [24], что является относительно новым сюжетом в освещении темы.

В этой связи, на наш взгляд, немалый научный интерес представляет вопрос об освещении имперской власти и социальных, прежде всего оппозиционных, движений на страницах общественно-литературного и научно-публицистического журнала «Сибирские огни» и его соотношение с современными подходами. Это и является основной целью статьи. Журнал, издававшийся тиражом до двух тысяч экземпляров, что было немало для 20-х гг. прошлого века в условиях малограмотности и неграмотности основной части населения региона, имел очень высокий рейтинг среди подобных изданий республиканского уровня. На его страницах публиковали свои произведения писатели и поэты, известные далеко за пределами Сибири (например, Вячеслав Шишков, Владимир Зазубрин, Лидия Сейфулина, Исаак Гольдберг, Рувим Фраерман и

др.), профессиональные историки и публицисты (Н. Бакай, В. Вегман, Б. Кубалов, И. Майский, Б. Петри, Г. Черемных, Е. Ярославский и др.). Роль журнала в формировании мировосприятия, оценок исторического прошлого и возникающего на глазах настоящего, проектов будущего, что особенно ярко проявляется в переходный период, а именно таковым и явились 20-е гг. XX в. для нашей страны, была во многом определяющей.

Конечно, подавляющее количество материалов журнала было посвящено революционным событиям в России 1905–1907 гг., а также декабристам, точнее их ссылке в Сибирь. Именно на это и обращали внимание последующие исследователи, занимавшиеся этой проблематикой и внесшие определенный вклад в ее изучение. Но проблематика социальных движений не исчерпывалась только этими сюжетами. По полноте освещения, разумеется, со своих методологических позиций и преобладающих оценок, статьи журнала могут быть сопоставимы с публикациями других ведущих журналов. Но это общая схема. Она требует детального изучения составляющих ее элементов. При этом надо учитывать, что в первой половине 1920-х гг. взгляды и оценки конкретного автора могли не совпадать с позицией редакции, но эта тенденция к концу периода проявлялась все реже. В основном подходы авторов отражали точку зрения редколлегии журнала.

Следует отметить один, очень важный, на наш взгляд, момент. Это обсуждение на бюро Сибирского крайкома ВКП(б) специального вопроса «О журнале “Сибирские Огни”» в 1928 г. В принятой по результатам обсуждения резолюции наряду с констатацией «известных достижений» журнала отмечались недостатки, в целом отражавшие усиление партийного (большевистского) влияния на идеологическую сферу. Нет необходимости их повторять, поскольку подобное стало почти клишированным воспроизводством во многих современных публикациях. Отметим одно, а именно пункт резолютивной части о том, чтобы редакция журнала взяла «решительный курс на отражение в журнале основных моментов текущего социалистического строительства»¹. По итогам обсуждения данного постановления было принято «Обращение правления Сибирского союза писателей ко всем членам союза и писателям, работающим в Сибири», в котором критика признавалась правильной, а важнейшая задача писательского союза формулировалась так: «Взять решительный курс на отражение... основных моментов социалистического строительства (коллективизация, узловые хозяйственные вопросы, конкретные задачи культурной революции, индустриализация и др.)»². Все это вполне оправданно и не заслуживает каких-либо критических оценок, но количество публикаций на исторические, даже историко-революционные темы резко сократилось, а во многих номерах журнала они полностью отсутствовали. Их заменили очерки и сообщения о первых мощных шагах по индустриализации региона.

¹ Резолюция бюро крайкома ВКП(б) о журнале «Сибирские огни» // Сибирские огни. 1928. № 4. С. 225–226.

² Обращение правления Сибирского союза писателей ко всем членам союза и писателям, работающим в Сибири // Сибирские огни. 1928. № 4. С. 227–229.

Одно из первых внушительных оппозиционных явлений в России имперского периода – Крестьянская война 1773–1775 гг. Это масштабное социально-политическое событие называлось и называется по-разному (крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, восстание под предводительством Е. Пугачева, крестьянско-казацкая война, «пугачевский бунт», «пугачевщина» и др. в зависимости от позиции автора). Мы же придерживаемся определения, предложенного изначально авторами второго тома трехтомника по истории России [13, с. 267–279].

Автор статьи в журнале «Сибирские огни» П. Орлов эту войну именуется, можно сказать, «по старинке», как ее и называли даже официальные исследователи: «пугачевщина». В русском языке такие определения имеют отрицательный оттенок (вспомним: «бироновщина», «аракчеевщина» и др.), т. е. изначально в названии никакого пиетета перед оппозиционным движением против власти автор не проявляет, избегая даже нейтральных терминов. Прежде чем определить оценку автора, отметим, что статья основана на материалах Омского губернского архива (14 объемных книг), а также книг бывшего омского вице-губернатора А. И. Дмитриева-Мамонова «Пугачевщина в Сибири» (1898) и «Пугачевский бунт в Сибири» (1907). Таким образом, П. Орлов ввел в научный оборот новый ценный архивный материал по рассматриваемой теме – тем значимее эта публикация.

Говоря о районах, охваченных «пугачевщиной» или ждущих появления в них различных сил, недовольных властью, автор отмечает, что вся Сибирь разделилась на две части. Одну из них, имперскую власть, автор именуется «Сибирь правящая, занятая ликвидацией бунта и принимающая все меры к его локализации». Власть мобилизовала все военные силы и лиц, годных к несению военной службы. Все города и крепости находились в состоянии постоянной боевой готовности; по экстренной необходимости власти готовы были выдать оружие всем лояльным ей слоям населения. Какие-либо реквизиции по отношению к крестьянам в период «пугачевщины» были запрещены, чтобы не расширять социальную базу восставших. Заводы были поставлены под охрану. Местные власти запросили центр прислать необходимые подкрепления. Сам Е. Пугачев был назван «самозванцем и бездельником»³. В конечном счете летом – осенью 1774 г. наступил перелом: правительственные силы стали побеждать восставших, применяя жестокие меры наказания (смертная казнь через повешение, битье плетью и др.). Как видим, действия местной администрации были правильными в военном, финансовом и пропагандистском плане.

Была ли почва для возникновения социального протеста? Была ли у этого социальная база? Да, отвечает автор, это вторая часть Сибири: «подвластная, ищущая повод примкнуть к стихийно-народному движению». По мнению П. Орлова, это «туземцы, враждебно настроенные к России (башкиры, киргиз-кайсаки)», беглые и ссыльные бывшие крепостные крестьяне, раскольники и обиженные властью (Екатериной II) казаки. Таким образом,

³ Орлов П. Пугачевщина в Сибири (по материалам Омского губернского архива) // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 128, 131, 132.

социальная, крайне разнообразная база для аккумуляции недовольства была, стоило лишь ее подтолкнуть к антиправительственным действиям. Антиправительственные выступления вспыхнули в форме такого известного и еще не забытого в России со времен Смуты начала XVII в. явления, как самозванство. Военной командой в Верхотурье был пойман бывший «разбойный» атаман Григорий Рябов, выдававший себя за спасшегося императора Петра III. Затем появились новые самозванцы – донские казаки Степан Левчев и Иван Серединкин; сосланный за преступления в Сибирь малороссиянин Василий Гноенко. Все они были до Пугачева и подготовили ему почву для антиправительственных восстаний.

Восстания охватили города, крепости и отдельные волости Урала и Западной Сибири. Опираясь на архивные данные, в том числе послания архимандрита Долматова монастыря Иоакима, П. Орлов указал на восстания в январе 1774 г. в Челябинске, где взбунтовавшиеся башкиры перерезали более 350 православных жителей; в Исетской волости в феврале 1774 г., в 128 верстах от Тюмени, бунт в Ялуторовске. Автор несколько не идеализирует действий восставших: помимо массовой резни православных, убийства правительственных солдат, он описывает расправу над капитаном Смольяниновым, с которого восставшие сняли кожу, а тело которого бросили на съедение собакам. Многих представителей местной администрации под угрозой смертной казни приводили к присяге Пугачеву, а затем увозили в неизвестном направлении. Во время «пугачевщины» бродячие киргиз-кайсаки устраивали нападения на русские селения. Но восставшие уделяли внимание и агитационной работе среди населения. Так, описано, как агитаторы разъезжали по волостям и проводили работу среди крестьян⁴.

«Пугачевщина» потерпела поражение как в европейской части страны, так и на Урале и в Сибири. Но она стала мощным проявлением накопившегося недовольства определенного слоя социальных «низов». Конечно, строго применительно к Сибири «пугачевщину» назвать крестьянской войной можно с некоторыми оговорками, поскольку социальная база движения была гораздо шире. Нет оснований говорить и о действиях восставших, преследующих сугубо цели улучшения положения крестьян. Необходимо также отметить, что автор ничего не говорит о последующих реформах екатерининского периода, последовавших за поражением восставших (Учреждение о губерниях 1775 г., а позже и знаменитые жалованные грамоты 1785 г.).

Некоторое освещение социальных движений XVIII в. кратко дано также в другой статье П. Орлова, представляющей обзор архивных книг с 1736 по 1800 г., хранящихся в Омском губернском архиве. Имперская власть здесь представлена с точки зрения осуществления репрессивно-разыскной деятельности: дела «Тайной канцелярии» (знаменитое «Слово и дело»), розыск беглых крестьян, их дознание, применение суровых мер (битье кнутом, торговая казнь, отправление в острог). Социальное движение автором представлено

---

⁴ Орлов П. Пугачевщина в Сибири (по материалам Омского губернского архива) // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 142–145.

скудно, но верно замечено, что социальная основа недовольных властью пополнилась частью сибирских крестьян, перешедших в раскольники вследствие чрезмерной правительственной опеки периода Екатерины II по контролю за исполнением религиозных обрядов⁵.

Проблеме социального протеста через призму такого явления, как самозванство, посвящена также обстоятельная статья Б. Г. Кубалова, известного позднее историка-архивиста. Причину появления самозванцев в XVIII–XIX вв. автор справедливо видит в ожидании у зависимого населения воли, вере в лучшую жизнь и безбедное существование. Этим и пользовались различные самозванцы. Но ведь в Сибири не было крепостного права, а следовательно, не было отбывания барщины, оброчных платежей, помещичьего гнета и самоуправства. Тем не менее зависимое население здесь испытывало тяжесть государственных налогов и повинностей, лихоимство чиновников, повсеместное взяточничество, тяжелый труд на золотых приисках, каторжные работы. Беглые крестьяне из центральных губерний, беглые преступники, «гулящие люди» за Уралом, ссыльные, бродячие составляли благодатную почву для различной силы социальных волнений.

Исходя из общей проблематики статьи, публичной власти уделено сравнительно мало внимания. И она представлена своеобразно: это персонифицированная власть в лице императора Петра III и в меньшей степени Павла I и отчасти младшего брата Александра I – великого князя Константина Павловича. Причем давался идеализированный образ убиенных императоров, способствовавший олицетворению несостоявшейся справедливости «сверху» в представлениях крестьянского населения. Самозванцы-то и стали возможны, поскольку господствовали слухи, порождающие неверие в естественную смерть императоров. Недолгое правление Петра III запомнилось его решениями об освобождении монастырских крестьян, о запрещении заводам и фабрикам покупать крестьян, о веротерпимости. За это он снискал определенные симпатии у некоторых слоев населения, чем, собственно, и пользовались самозванцы, часто в своих целях, обещая вернуть и продолжить эти мероприятия. Император Павел запомнился проведенной им амнистией лиц, осужденных в период правления своей матушки, а Константин Павлович был популярен у ссыльных поляков как образ правителя, «борца за правду» перед официальным Петербургом.

Действия власти против самозванцев были разнообразны: от их поимки, жесткого подавления сопротивления до объявления некоторых из них «поврежденными в уме» и пожизненного заключения в дома умалишенных. Например, так поступили с бывшим крестьянином Ялуторовского округа Хрипуновым-Головенко, по некоторым данным, участником пугачевского движения, появившимся в 1786 г. с призывами освободить крестьян от государевых податей на 10 лет.

---

⁵ Орлов П. Сибирь XVIII в. (Омские архивные сокровища) // Сибирские огни. 1925. № 1. С. 223, 225.

Обозначив социальную опору самозванства, Б. Г. Кубалов дал краткую «портретную» характеристику самозванцам в Сибири. Кроме Хрипунова-Головенко, это были Кондратий Селиванов, трапезник Харлампиевской церкви в Иркутске, выдававший себя за чудом спасшегося Петра III; жительница с. Жилкино близ Иркутска по имени Мария, выдававшая себя за дочь Павла I, явная самозванка; поселенец Красноярского округа Николай Прокопьев, выступавший якобы от имени великого князя Константина Павловича, разъезжавший из села в село и принимавший обильные подарки, которые проедал и пропивал со своими спутниками⁶. Самозванцы появлялись как в западной, и в восточной части Сибири, пользовались доверчивостью людей, много обещали, но ничего не делали для облегчения их участи, да и сделать не могли. Организованных массовых социальных движений в период самозванцев в регионе не было, а сами они во многом случайные люди, часть из которых, возможно, действительно страдала психическими отклонениями. Примечательно также, что автор, Б. Г. Кубалов, называет их последователями Е. Пугачева, т. е. и Пугачев у автора – самозванец, а не народный герой, каким он будет представлен в поздней советской историографии.

На страницах журнала «Сибирские огни» очень много публикаций было посвящено декабристам, что совпало со столетием со дня восстания на Сенатской площади в Санкт-Петербурге в 1825 г. При этом уже тогда сибирская историческая публицистика и историография определилась с изучением декабризма с двух точек зрения: 1) причины возникновения движения, программы, подготовка выступления, события 14 декабря и его последствия; 2) жизнь декабристов на каторге и на поселении и их взаимодействие с местными жителями⁷. Вполне объяснимо, что второй темой стали преимущественно заниматься сибирские исследователи. Оценки движения декабристов в настоящее время кардинально отличаются от оценок советского периода. Тогда, в соответствии с ленинской теорией о «трех этапах освободительного движения», именно декабристы вслед за А. Н. Радищевым начали это движение по освобождению России от царизма. Отношение к ним было явно положительным, о чем свидетельствует огромный массив изданной по этой теме литературы (воспоминания, дневники, исследования, художественные произведения и фильмы). К настоящему времени в отношении декабризма и его представителей необычайно широкий разброс мнений: от несколько смягченного, измененного прежнего до оценки их как офицерского заговора, готовившего очередной дворцовый переворот, который бы вовлек Россию в очередную Смуту с крайне возможным иностранным участием, причинившим немалые беды стране, не исключая и ее распад, а сами его представители далеки от идеализированных портретов прошлой историографии.

Надо признать, что широкого социального движения декабризм не представлял. Но радикальным оппозиционным явлением, безусловно, являлся. Не

⁶ Кубалов Б. Сибирь и самозванцы. Из истории народных волнений в XIX в. // Сибирские огни. 1924. № 3. С. 154, 159, 165, 169.

⁷ Смирнов В. А. Декабристы в Красноярске (По новым данным) // Сибирские огни. 1925. № 3. С. 149.

касаясь всей декабристской тематики журнала «Сибирские огни» тех лет, отметим оценки власти и ссыльных декабристов в соответствии с заявленной проблематикой. В статье Б. Г. Кубалова, посвященной проблеме, «Декабристы и амнистия» публичная власть предстает в образе императоров Николая I и Александра II. Первый – как не удовлетворивший прошения декабристов зачислить их рядовыми в Отдельный кавказский полк и только смягчивший условия отбытия наказаний для лиц первого и второго разрядов. Вторым представлен как автор манифестов 27 марта 1855 г. и 26 августа 1856 г. В первом манифесте, на который так надеялись декабристы в ожидании амнистии, этого не произошло. Во втором, «О милостях народу», говорилось о награждениях героев – защитников Севастополя, гражданских чиновников, служивших в местностях, объявленных на военном положении во время Крымской (Восточной) войны. Об этом манифесте Б. Г. Кубалов отзывается в целом очень критически как о не оправдавшем надежды зависимого населения об облегчении податей и повинностей. Остановился автор статьи и на изменениях в положении тех, кто проходил как политические преступники, т. е. по приговору Верховного уголовного суда от 13 июля 1826 г. и по делу «о возмущении в Польше» 1831 г.: вернуть права потомственного дворянства без прав на прежнее имущество и права жительства в одной из внутренних великорусских губерний, за исключением столиц. Содержание Манифеста от 26 августа 1856 г., а следовательно, действия власти Б. Г. Кубалов характеризует как «фальшь, недоговоренность, неискренность и полное нежелание открыть глаза на то состояние государства, которое без коренных реформ приведет его к неминуемой гибели». Эта характеристика чуть мягче отклика издававшейся в Лондоне на британские деньги радикальной герценовской «Поллярной звезды», характеризовавшей Манифест как «политическую трусость, прикрытую солганным великодушием», и эмоционально заключавшей: «Обидно и стыдно!»⁸

В журнале выходило много публикаций о событиях революции 1905–1907 гг. в Сибири, это было приурочено юбилейной дате – двадцатилетию революции. Конечно, публиковались и воспоминания, но стали появляться уже и аналитические статьи. Показательна статья А. Киржница, посвященная восточносибирской ссылке накануне Первой русской революции. Публикация ценна тем, что в ней автор, основываясь на документах (заметках, письмах ссыльных, тайных документах и др.), помещенных в заграничном журнале «Последние известия», привел некоторые данные о численности ссыльных в Иркутской, Енисейской губерниях и Якутской области (всего 2877 чел.). Власть здесь показана опосредованно – через постановления генерал-губернатора и приговоры суда. Оппозиция представлена политическими ссыльными, т. е. участниками антиправительственных действий, отбывающими наказание. Автор описал два процесса по делу «романовцев», суть которого заключалась в том, что в феврале 1904 г. политические ссыльные Якутской

---

⁸ Кубалов Б. Г. Декабристы и амнистия // Сибирские огни. 1924. № 5. С. 148–149.

области выразили протест против циркуляров иркутского генерал-губернатора Кутайсова, посчитав, что они превышают его полномочия. Произошли вооруженные столкновения между ссыльными, собравшимися в доме якута Романова в Якутске, и правительственными силами. Летом 1904 г. состоялся военный суд в Якутске, по приговору которого 55 из 57 «романовцев» были приговорены к 12 годам каторги. Однако в апреле 1905 г., в период нарастания революции в России, дело «романовцев» вновь рассматривалось в Иркутске. Местный комитет РСДРП организовал в защиту «романовцев» две демонстрации. Суд признал, что циркуляры действительно отразили превышение власти, и ходатайствовал перед Министерством юстиции о замене предыдущего приговора на новый, предусматривающий для всех подсудимых два года заключения в крепости без лишения прав. Процесс, таким образом, был эффектно выигран. Решение суда, как видим, было совершенно беспрецедентное.

Хотя следует признать, что влияние политических ссыльных на сельское население в тот период было ничтожным. Так, за месяц до процесса, в марте 1905 г., ссыльные распространяли в селах Кимильтей, Уян, Хайта Иркутской губернии листовки и брошюры, в которых излагались события начала революции в Петербурге. Но в большинстве своем крестьяне их не читали и сразу относили в отделения полиции⁹. Ни в каких предыдущих случаях противостояния власти и оппозиционных сил власть настолько не отступала перед оппозицией. Эффективность социального контроля как один из маркеров авторитетной власти резко упала именно в период нарастания революции.

Значительный интерес к проблеме конфликта государственной власти с радикальной оппозицией в годы Первой русской революции проявил А. Абов (А. Ансон). Ценность его статей в том, что это наиболее ранние публикации, основанные не только на воспоминаниях, но и на архивных материалах, хранящихся в Красноярском архиве (истпарте). Вместе с тем они характеризуются вполне объяснимой в тот период односторонностью освещения событий с позиций революционных слоев общества, а действия власти показаны только с точки зрения осуществления репрессивной политики. А. Абов опубликовал три очерка под единым названием «1905 год в Красноярске». Среди сибирских городов первого года революции Красноярск выделяется тем, что здесь на относительно небольшой период времени произошла передвижка власти от местной имперской администрации в руки радикальной оппозиции – был образован объединенный Совет депутатов от рабочих и солдат.

Официальная власть показана автором умеренно критически: разговоры о земствах, реформах, областничестве в годы, предшествовавшие 1905-му. Но это были только разговоры отдельных представителей власти и местной интеллигенции на страницах печати. Почва же для недовольства существовала среди различных слоев оппозиции (критика монархии, умеренные требования гражданских свобод), которое постоянно подогревалось политическими ссыльными, а неудачи императорской России в войне с Японией лишь обостряли эти противоречия. Поэтому, когда в ответ на события Кровавого

---

⁹ Киржниц А. Восточно-сибирская политическая ссылка накануне первой русской революции // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 137, 140, 147.

воскресенья в Красноярске 17 января 1905 г. состоялось шествие по главной улице города, оно сразу приняло политический характер (лозунги против царя и продолжения войны). Действия властей – сопровождение демонстрантов казаками и солдатами – способствовали мирному окончанию демонстрации. Но вечером власть произвела аресты некоторых оппозиционеров. На страницах печати оживилась полемика по поводу оценок текущего момента между умеренными и радикальными оппозиционерами.

Необходимо отметить, что автор показывает эскалацию конфликта, расширение социальной базы оппозиционно настроенных социальных слоев: августовские стачки и забастовки в мастерских и депо ст. Красноярск, собрания за городом, повлекшие стычки с полицией и закончившиеся убийством одного и ранением двух рабочих¹⁰. Радикализация конфликта привела к тому, что 30 ноября 1905 г. эсером-боевиком был убит красноярский полицмейстер фон Дитмар. 14–16 октября 1905 г. оппозиционный Красноярск принял участие во Всероссийской октябрьской забастовке, дезорганизовавшей движение по Транссибирской магистрали, которое было восстановлено только 23 октября 1905 г. Произошло резкое обострение социального конфликта уже не только официальной власти и оппозиции, но и стихийно образующихся организаций в виде черносотенцев и дружинников, представлявших революционные силы. Вновь пролилась кровь¹¹.

Особенность взаимоотношений «власть – оппозиция» в Красноярске в 1905 г. заключалась в том, что здесь на короткое время произошел захват власти. Назвать это сменой власти можно лишь относительно, поскольку объединенный Совет депутатов от рабочих и солдат, который 8 декабря объявил о переходе власти в свои руки, даже поддержанный демонстрантами и присоединившимися отдельными воинскими соединениями, назвавший городскую думу временной и последней, не взял в свое управление канцелярию губернатора, казначейство, комендатуру города и жандармское управление. Да, стала выходить газета «Красноярский рабочий» как орган комитета РСДРП, но всех признаков власти, о которых речь шла выше в методологической части статьи, не было. Скорее всего, появилась декларируемая новая власть при бездействии затаившейся прежней власти. А после подавления декабрьского восстания в Москве в Красноярск прибыл Омский полк, позднее Красноярский полк (это действия имперской власти), вся охрана города без единого выстрела перешла под командование правительственных войск. Баланс сил резко сместился в пользу имперской власти, А. Абов описывает осаду железнодорожных мастерских, вооруженное подавление осажденных и расправу над ними. Особенно жестоким наказанием подверглись восставшие солдаты (каторжные работы и арестантские роты); гражданские лица подверглись более мягким наказаниям – заключению в тюрьму или исправительные дома¹².

¹⁰ Абов А. (А. Ансон). 1905 год в Красноярске (По архивным материалам и воспоминаниям) // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 117, 122, 124.

¹¹ Абов А. (А. Ансон). 1905 год в Красноярске (Очерк II) // Сибирские огни. 1923. № 5–6. С. 134, 137.

¹² Абов А. (А. Ансон). 1905 год в Красноярске (Очерк III) // Сибирские огни. 1924. № 1. С. 145, 150, 159.

Из публикаций, посвященных революционным событиям 1905–1907 гг., где не акцентируется роль политических ссыльных и местных оппозиционных организаций, а речь идет о массовых социальных движениях, следует остановиться на статье П. М. Юхнева. Аграрные движения на Алтае приняли широкий размах и деструктивную направленность в 1905 г. Публичная власть названа автором очень схематично как администрация Алтайского округа, как «государство в государстве», по определению ряда томских губернаторов, которым формально подчинялась тогда алтайская администрация. Местная публичная власть была представлена исправниками, волостными и сельскими старостами, писарями, духовенством. Практически все они во время беспорядков подверглись избиениям, некоторые дома были сожжены. Кроме того, отмечались незаконные массовые лесные порубки, разгром купеческих лавок. События хронологически совпадали с событиями в европейской части, и только к весне 1906 г., после введения в Томской губернии военного положения, был восстановлен относительный порядок.

Какова социальная база и причина социальных волнений? После голода 1890-х гг. сотни тысяч крестьян из Поволжья и юга России в поисках лучшей участи отправились за Урал. Конфликты между переселенцами, старожильцами, приписными к заводам Алтайского округа, местными казаками и татарами, явные нарушения, совершаемые при назначении семьям пособий из казны, – все это создавало почву для недовольства. 1905 г. всколыхнул империю; годами копившиеся противоречия прорвались наружу¹³. П. М. Юхнев правильно отмечает стихийность, неуправляемость социального протеста на начальных стадиях движения. Однако выявились и подстрекатели разного толка. Например, некто по прозвищу Пашка-голый рассказывал всем о Манифесте 17 октября 1905 г. в том смысле, что теперь дана полная свобода «и живи, как хочешь, и управляйся сам», а некоторые лица из местных жителей разъезжали по окрестным селениям и подбивали крестьян к погрому Змеиногорской ярмарки за месяц до ее открытия, расклеивали на столбах листовки с угрозами типа «размотаем ваши кишки». Все это в значительной степени влияло на умонастроения населения, подогревало его и провоцировало поджоги и избиения представителей власти¹⁴. Как видим, и здесь никакой идеализации стихийных форм социального недовольства нет; образы восставших на страницах журнала вызывают скорее отрицательные эмоции.

Примечательна статья Г. Степняка, посвященная киргизскому восстанию в Семипалатинской губернии в 1916 г. Она своеобразно объединяет тему действий официальной власти, социальных протестов и национально-религиозных отношений на окраине империи за год до ее падения. Годами назревавшие противоречия между местным населением, занимавшимся преимущественно скотоводством, и русскими переселенцами, которым отчуждали земли, всегда до этого рационально использовавшиеся; религиозные различия, ссоры на бытовой почве – все это и другие обстоятельства подготовили

¹³ Юхнев П. М. Аграрные движения на Алтае в 1905 году // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 88–89.

¹⁴ Там же. С. 93, 95.

почву для будущего масштабного конфликта. Поводом послужило «высочайшее повеление», оглашенное в июне 1916 г. степным генерал-губернатором Сухомлиновым о призыве киргизов в возрасте от 19 до 31 года на военную службу для тыловых работ в сложный для Российской империи год войны. Информация об этом стремительно распространилась по степи и вызвала небывалый ранее протест.

Имперская власть и правительственный аппарат представлены в статье в лице генерал-губернатора, полиции, военно-окружных судов и родовой верхушки киргизов. В условиях резкого обострения всех противоречий действия властей были разнообразны: на первом этапе волнений – разъяснение киргизам, что они не будут отбывать воинскую повинность, а будут привлечены только к тыловым работам, «чтобы помочь русскому народу, который воюет», затем – послабления в виде освобождения даже от этих тыловых мероприятий для отдельных категорий киргизов. Однако доходило до перестрелок полиции с участниками неповиновения и до предания особо опасных зачинщиков смертной казни по законам военного времени. Но все это на первых порах не давало желаемого для властей эффекта. Власть пошла на уступки и объявила о переносе даты призыва с середины июня на середину сентября.

Формы протестного движения вылились в отказ от полевых работ, угоны в степь табунов лошадей, перемещение целых больших семей к родственникам в соседний Китай, уничтожение списков лиц, подлежащих призыву, кровавые стычки не только с полицейскими нарядами, но и с русскими переселенцами, которые были вынуждены обороняться. Почти повсеместно вместо прежней почтительности к имперским чиновникам – дерзость, неуважение или прямой саботаж. Большую роль сыграли слухи о том, что киргизы будут не только воевать, но и насильственно обращены в христианство. На почве стремительно распространявшихся слухов были выдвинуты лозунги об объявлении «священной войны русским». Начавшись стихийно, подогреваемое слухами восстание приняло широкий размах. Бороться со случаями неповиновения и различными формами протеста в степи всегда сложно, это не городские восстания. Как отмечал Г. Степняк, «киргизы были смяты», но для них «это событие незабываемое»¹⁵. Следует отметить, что автор не употребляет ставший позднее расхожим тезис о «царизме как тюрьме народов». Само изложение событий спокойное, без навешивания ярлыков и цитат, хронологически-событийное. Никаких клише, свойственных некоторым исследователям прошлого и настоящего, у автора нет.

В заключение отметим следующие положения.

Журнал «Сибирские огни» в 1920-е гг. выполнял очень важную социально-культурную функцию, которая не сводилась исключительно к идеологической обработке населения. Последнее не подтверждается конкретным материалом и если и фигурирует в некоторых публикациях относительно содержания журналов того времени, то представляется недоказанным и даже «социологически вульгарным».

---

¹⁵ Степняк Г. Киргизское восстание в Семипалатинской губернии в 1916 году // Сибирские огни. 1928. № 2. С. 138, 144.

Журнал, особенно в первую половину 1920-х гг., уделял значительное внимание исторической проблематике, а проблема «власть – оппозиция – социальные оппозиционные движения» была одной из доминирующих. Это положение также нельзя сводить исключительно к запросам времени. Подобная проблематика была представлена и в дореволюционных сибирских периодических изданиях. И. В. Легостаева в новейшей статье отмечает публикации сибирских изданий второй половины XIX – начала XX в. о «диссидентах» А. И. Остермане, А. Д. Меншикове, оппозиционере А. Н. Радищеве, о ссылке Ф. М. Достоевского и о самозванцах (например, загадке «Федора Кузьмича») [18]. Конечно, новая обстановка влияла на расстановку классовых оценок. Но в тот период они не преобладали и уж никак не являлись однозначно единственными.

Власть в публикациях журнала представлена чаще всего через деятельность должностных лиц, в основном критически, но без единственно отрицательных оценок и тем более без каких-либо карикатурных характеристик. Что, надо сказать, было свойственно и дореволюционной русской традиции (М. Е. Салтыков-Щедрин, «Козьма Прутков» и др.).

Оппозиционеры государственной имперской власти – участники стихийных выступлений, казаки, крестьяне, «самозванцы», декабристы, петрашевцы, участники революции 1905–1907 гг. представлены дифференцированно. Присутствует некоторая идеализация, особенно декабристов. Здесь можно усмотреть дальнейшую укрепившуюся тенденцию многих исследователей проблемы, ставшей чуть ли не одной из основных в советской историографии. Оппозиция периода Первой русской революции описана во многом участниками тех событий с вполне предсказуемыми оценками. Но при этом стал привлекаться и иной, откладывавшийся в архивах материал, а не только личные воспоминания, что представляет интерес для современных исследователей с учетом новых методологических подходов и расширения источниковой базы. Стремление выставлять их как «пламенных революционеров», «рыцарей» борьбы со всем старым и косным, характерная для поздней советской историографии, неявно выражено в рассматриваемый период, однако отдельные тенденции к этому уже намечаются.

Социальные движения рассматриваются также предметно. Социологического вывода более позднего времени, что они были «локомотивами истории», уже не делается. Ряд авторов открыто пишет о разрушительном характере этих отдельных движений (внесудебные расправы, погромы, поджоги, совершаемые отдельными группами и социальными слоями). Некоторые аспекты проблемы, частично затронутые в публикациях журнала, например о защите русских переселенцев в период Среднеазиатского (Туркестанского) восстания 1916 г., нашли отражение в новейшей публикации петербургского исследователя [15].

Таким образом, представляется, что непредвзятый анализ исторической проблематики, поднимавшейся сибирской периодикой 1920-х гг., является одним из направлений исследования, которое с учетом сравнительного подхода будет способствовать предметному изучению основных тенденций современного развития исторической науки, в том числе исследований по истории Сибири.

Список литературы

1. *Алексеева Т. А.* Власть // Новая Российская энциклопедия : в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов и др. М. : Энциклопедия : ИФРА-М, 2003. Т. 4 (1). С. 60–61.
2. *Ананьев Д. А.* Англо- и германоязычные историки о проблемах общественно-политического развития Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 4. С. 5–11.
3. *Анцупов А. Я., Шипилов А. И.* Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб. : Питер, 2006. 528 с.
4. *Арзуманов И. А., Ганусенко И. В., Казарин В. Н.* Государственное право Российской империи в XIX веке: особенности нормативного закрепления отдельных институтов : учеб. пособие / отв. ред. В. Н. Казарин. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 275 с.
5. Власть // Большой академический словарь русского языка. М. ; СПб. : Наука, 2005. Т. 2. С. 621–622.
6. *Дамешек И. Л., Архипова А. И.* Компетенция власти в имперском пространстве на северо-востоке России: генерал-губернатор, вице-губернатор и проблемы взаимодействия // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2017. Т. 22. С. 23–31.
7. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П.* «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские губернаторы : [монография]. Иркутск : Отгиск, 2020. 340 с.
8. *Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В.* Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX в.) : монография. Иркутск : Отгиск, 2020. 740 с.
9. *Гуров К. А.* О соответствии террористических актов в г. Иркутске 1897–1911 гг. смысловому содержанию термина // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 27. С. 36–45.
10. *Зверев В. В.* Путь исканий, потерь и разочарований // Российская история. 2018. № 3. С. 26–32.
11. *Иванов А. А.* Оппозиционные движения в Иркутске в 1906–1914 гг. : некоторые проблемы развития // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2017. Т. 21. С. 101–110.
12. Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. : [коллект. моногр.] / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск : Востсибкнига, 2012. 800 с.
13. История России XVIII–XIX веков / под ред. Л. В. Милова. М. : Эксмо, 2006. 784 с.
14. *Казарин В. Н.* Станислав Васильевич Тютюкин как ученый-педагог: страницы воспоминаний и ретроспективный анализ // История: факты и символы. 2021. № 2 (27). С. 146–156.
15. *Кирильчик Д. В.* Самооборона русских переселенцев в период Среднеазиатского восстания 1916 г. // Вопросы истории. 2021. № 1. С. 58–62.
16. *Климов И. А.* Движения социальные // Большая российская энциклопедия : в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. М. : Большая российская энциклопедия, 2006. Т. 8. С. 370–372.
17. *Коновалов И. А.* Особенности губернаторской власти в Сибири в XVIII в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 26. С. 17–25.
18. *Легостаева И. В.* Образ Сибири в периодических изданиях второй половины XIX–начала XX вв. // Вопросы истории. 2020. № 10 (3). С. 205–210.
19. *Ледяев В. Г.* Власть // Большая российская энциклопедия : в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. М. : Большая российская энциклопедия, 2006. Т. 5. С. 455–458.
20. *Матханова Н. П.* Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2016. № 15. С. 22–30.
21. *Миллер А. И.* Где и какую модернизацию стоит искать в истории России? // Российская история. 2018. № 3. С. 19–25.
22. *Мироненко С. В.* Россия на пути модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 3–18.

23. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков : монография. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. 552 с.

24. Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г., Худяков М. В. Современная российская и зарубежная историография о колонизации Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2021. № 2. С. 252–265.

25. Толочко А. П., Коновалов И. А. Губернские правления в системе местного управления в Сибири в 1781–1895 гг. (структура, полномочия, деятельность) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 29. С. 57–64.

26. Шахмайкина Ю. А. Оппозиция // Новая Российская энциклопедия : в 12 т / редкол.: А. Д. Некипелов [и др.]. М. : Энциклопедия : ИНФРА-М, 2003. Т. 12 (1). С. 422.

27. Шелохаев В. В., Соловьев К. А. Кризис Российской империи как историографическая проблема // Российская история. 2019. № 2. С. 142–157.

28. Юртаева Е. А. Власть государственная // Новая Российская энциклопедия : в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов [и др.]. М. : Энциклопедия : ИФРА-М, 2003. Т. 4 (1). С. 61.

The Government, Opposition and Social Movements in Russia of the Imperial Period According to the *Sibirskiye Ogni* Magazine of the 1920s

V. N. Kazarin

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. Questions of lighting in the social and political magazine "Sibirskiye Ogni" of relationship "the power – opposition-social movements" in Russia of the imperial period are considered. In the analysis of publications of the magazine such aspects of a problem as are marked out: assessment of the government, machinery of government, ruling elite; their actions against opposition; general characteristic of the reasons of emergence of the opposition movements; their social base; assessment of certain representatives and movements in general; territorial framework of distribution; influence on mentalities of the population; reasons of defeats of opposition. It is shown that the magazine paid considerable attention to a historical perspective, including the studied problem. The power is presented through activity of officials, local management personnel, law enforcement agencies and security agencies generally critically, but without categorical negative estimates. The opposition of the power is lit differentially, depending on a social status of participants and their role in resistance to authorities. The role and the place of social movements in Russia of the imperial period according to the magazine is studied. It is proved that many historical plots mentioned by authors of publications are relevant also in a modern historiography. The author drew a conclusion that many estimates of the studied perspective of this period significantly differ from some estimated approaches of the Soviet and liberal historiography. Situation is proved that the impartial analysis of a historical perspective of the Siberian journal periodical press of the 1920th will promote subject studying the main directions and trends of modern development of domestic and foreign historical science.

Keywords: government, Russia, empire, opposition, social movements, *Sibirskiye Ogni* magazine, historical science.

For citation: Kazarin V. N. The Government, Opposition and Social Movements in Russia of the Imperial Period According to the *Sibirskiye Ogni* Magazine of the 1920s. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 38, pp. 111-129. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.38.111> (in Russian)

References

1. Alekseeva T.A. Vlast [Power]. *Novaya Rossijskaya enciklopediya* [New Russian encyclopedia. In 12 vols. Eds. A.D. Nekipelov, V.I. Danilov-Danilyan et al. Moscow, Enciklopediya Publ., INFRA-M Publ., 2003, vol. 4 (1), pp. 60-61. (in Russian)

2. Ananyev D.A. Anglo- i germanoyazychnye istoriki o problemah obshchestvenno-politicheskogo razvitiya Sibiri i Dalnego Vostoka vo vtoroj polovine 19 – nachala 20 v. [Anglo- and German-speaking historians about problems of social and political development of Siberia and the Far East in the second half of XIX-of the beginning of the 20th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2018, vol. 25, no. 4, pp. 5-11. (in Russian)
3. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. *Slovar' konfliktologa* [Dictionary of a konfliktolog]. 2nd ed. Saint Petersburg, Piter Publ., 2006, 528 p. (in Russian)
4. Arzumanov I.A., Ganusenko I.V., Kazarin V.N. *Gosudarstvennoe pravo Rossijskoj imperii v XIX veke: osobennosti normativnogo zakrepleniya otdel'nyh institutov: ucheb. posobie* [The state law of the Russian Empire in the XIX century: features of standard fixing of separate institutes: studies. grant]. Irkutsk, IGU Publ., 2014, 275 p. (in Russian)
5. Vlast [Power]. *Bolshoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka*. Moscow, Saint Petersburg, Nauka Publ., 2005, vol. 2, pp. 621-622. (in Russian)
6. Dameshek I.L., Arkhipova A.I. Kompetenciya vlasti v imperskom prostranstve na severo-vostoke Rossii: general-gubernator, vice-gubernator i problemy vzaimodejstviya [Competence of the power of imperial space in the northeast of Russia: governor general, vice governor and problems of interaction]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2017, vol. 22, pp. 23-31. (in Russian)
7. Dameshek L.M., Dameshek I.L., Matkhanova N.P. “Glavnye blyustiteli neprikosновенности verhovnyh prav samodержaviya i polzy gosudarstva”: M.M. Speranskij, N.N. Murav'ev-Amurskij i drugie sibirskie gubernatory [“Main observers of inviolability of the Supreme rights of autocracy and advantage of the state”: M.M. Speransky, N.N. Muravyev-Amursky and other Siberian governors. Monograph]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, 340 p. (in Russian)
8. Dameshek L.M., Zhalsanova B.T., Kuras L.V. *Buryatskij etnos v imperskoj sisteme vlasti (19 – nachalo 20 v.)* [The Buryat ethnos in the imperial system of the power (19 beginning of the 20th century): monograph]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, 740 p. (in Russian)
9. Gurov K.A. O sootvetstvii terroristicheskikh aktov v g. Irkutske 1897–1911 gg. smyslovomu sodержaniyu termina [About compliance of acts of terrorism in Irkutsk 1897-1911 to semantic contents of the term]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2019, vol. 27, pp. 36-45. (in Russian)
10. Zverev V.V. Put iskanij, poter i razocharovanij [Way of searches, losses and disappointments]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2018, no. 3, pp. 26-32. (in Russian)
11. Ivanov A.A. Oppozicionnye dvizheniya v Irkutske v 1906–1914 gg.: nekotorye problemy razvitiya [The opposition movements in Irkutsk in 1906-1914: some problems of development]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2017, vol. 21, pp. 101-110. (in Russian)
12. *Irkutskij kraj. Chetyre veka: istoriya Irkutskoj gubernii (oblasti) 17-21 vv.* [Irkutsk region. Four centuries: history of the Irkutsk province (area) of the 17-21st centuries. Monograph]. Ed. L.M. Dameshek. Irkutsk, Vostsibkniga Publ., 2012, 800 p. (in Russian)
13. *Istoriya Rossii 18-19 vekov* [History 18–19 of Russia of centuries]. Ed. L.V. Milov. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 784 p. (in Russian)
14. Kazarin V.N. Stanislav Vasilievich Tyutyukin kak uchenyj-pedagog: stranicy vospominanij i retrospektivnyj analiz [Stanislav Vasilyevich Tyutyukin as scientist-teacher: pages of memoirs and retrospective analysis]. *Istoriya: fakty i simvol'y* [History: facts and symbols], 2021, no. 2 (27), pp. 146-156. (in Russian)
15. Kirilchik D.V. Samooborona russkikh pereselencev v period Sredneaziatskogo voss'taniya 1916 g. [Self-defense of the Russian immigrants during the Central Asian revolt of 1916]. *Voprosy istorii* [History questions], 2021, no. 1, pp. 58-62. (in Russian)

16. Klimov I.A. Dvizheniya socialnye [Movements social]. *Bolshaya rossijskaya enciklopediya. V 30 t.* [Big Russian encyclopedia. In 30 vols.]. Ed. S.L. Kravets. Moscow, Bolshaya rossijskaya enciklopediya Publ., 2006, vol. 8, pp. 370-372. (in Russian)
17. Konovalov I.A. Osobennosti gubernatorskoj vlasti v Sibiri v XVIII v. [Features of the governor's power in Siberia in the 18th century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2018, vol. 26, pp. 17-125. (in Russian)
18. Legostayeva I.V. Obraz Sibiri v periodicheskikh izdaniyah vtoroj poloviny 11 – nachala 20 vv. [An image of Siberia in periodicals of the second half of the 19th beginning of the 20th centuries]. *Voprosy istorii* [History questions], 2020, no. 10 (3), pp. 205-210. (in Russian)
19. Ledyayev V.G. *Vlast* [Power]. *Bolshaya rossijskaya enciklopediya. V 30 t.* [Big Russian encyclopedia. In 30 vols.]. Ed. S. L. Kravets. Moscow, Bolshaya rossijskaya enciklopediya Publ., 2006, vol. 5, pp. 455-458. (in Russian)
20. Matkhanova N.P. Deyatel'nost' general-gubernatorov Vostochnoj Sibiri: zakon i praktika [Activity of governor generals of Eastern Siberia: law and practice]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2016, no. 15, pp. 22-30. (in Russian)
21. Miller A.I. Gde i kakuyu modernizaciyu stoit iskat v istorii Rossii? [Where and what modernization should be looked for in the history of Russia?]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2018, no. 3, pp. 19-25. (in Russian)
22. Mironenko S.V. Rossiya na puti modernizacii [Russia on the way of modernization]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2018, no. 3, pp. 3-18. (in Russian)
23. Remnev A.V. *Rossiya Dalnego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti 19 – nachala 20 vekov* [Russia of the Far East. Imperial geography of the power of the 19th beginning of the 20th centuries: Monograph]. Omsk, Omsk St. Univ. Publ., 2004, 552 p. (in Russian)
24. Starovoytova E.O., Yanchenko D.G., Khudyakov M.V. Sovremennaya rossijskaya i zarubezhnaya istoriografiya o kolonizacii Sibiri v konce 19 – nachale 20 v. [A modern Russian and foreign historiography about colonization of Siberia at the end of XIX-the beginning of the 20th century]. *Voprosy istorii* [History questions], 2021, no. 2, pp. 252-265. (in Russian)
25. Tolochko A.P., Konovalov I.A. Gubernskie pravleniya v sisteme mestnogo upravleniya v Sibiri v 1781–1895 gg. (struktura, polnomochiya, deyatel'nost') [Provincial boards in the system of local management in Siberia in 1781-1895 (structure, powers, activity)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of the Irkutsk State University. Series History], 2019, vol. 29, pp. 57-64. (in Russian)
26. Shakhmaykina Y.A. Oppozitsiya [Opposition]. *Novaya Rossijskaya enciklopediya v 12 t* [New Russian encyclopedia. In 12 vols.]. Eds.: A.D. Nekipelov, V.I. Danilov-Danilyan, et al. Moscow, Enciklopediya Publ., INFRA-M Publ., 2003, vol. 12, part 1, p. 422. (in Russian)
27. Shelokhayev V.V., Solovyov K.A. Krizis Rossijskoj imperii kak istoriograficheskaya problema [Crisis of the Russian Empire as historiographic problem]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2019, no. 2, pp. 142-157. (in Russian)
28. Yurtayeva E.A. Vlast gosudarstvennaya [Power state]. *Novaya Rossijskaya enciklopediya : v 12 t* [New Russian encyclopedia. In 12 vols.]. Eds.: A.D. Nekipelov, V.I. Danilov-Danilyan, et al. Moscow, Enciklopediya Publ., INFRA-M Publ., 2003, vol. 4, part 1, p. 61. (in Russian)

Казарин Виктор Николаевич

доктор исторических наук, профессор,
кафедра конституционного права и теории
права, Юридический институт
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: kazarinvik@yandex.ru

Kazarin Victor Nikolayevich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Constitutional Law and
Theory Law, Law Institute
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 640082,
Russian Federation
e-mail: kazarinvik@yandex.ru